

Питер Брук, брат Плучека

Он вовсе не похож на мировую знаменитость (а критики впервые назвали его великим еще сорок лет назад, после "Короля Лира"). У него острый хитроватый (так и хочется сказать "плотоватый") взгляд, добродушнейшая улыбка, здоровый розовый цвет лица, как у фермера, и форма одежды рабочая - джинсы и куртка. Да он и привык работать, как фермер: в семьдесят лет - шестьдесят спектаклей, три книги, а еще он ставил оперы, снимал кинофильмы, создал Международный центр театральных исследований в Париже...

бумерангом, юмор - не английский, скорее одесский: ведь мэтр родился в семье выходцев из России, а именно - из Одессы.

Брук легок и подвижен, внимателен и смешлив, да еще супруга (кстати, он признался, что с юности решил жениться на женщине с русским именем Наташа) то и дело толкает, шепчет что-то на ухо, одергивает - на то и жена. А он тут же пересказывает публике ее комментарии и указания: **"Наташа шепнула мне, что то, что я говорю тут, - совершенный абсурд!"**

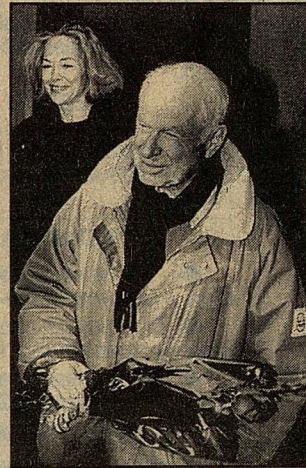
Кстати, об абсурде. Питер Брук привез в Москву на этот раз пьесу Беккета, отца театра абсурда. Драматургия его у нас в стране долгие годы вообще не ставилась как явление, идеологически чуждое, да и сегодня ставится крайне редко. Для Брука театр Беккета - в одном ряду с

античностью, Шекспиром и Чеховым. Сэр Питер лукаво предупреждал, чтобы от его спектакля не ждали ни режиссерских изысков, ни блестящих актерских работ (а главную роль, между прочим, играет его жена!): **"Чтобы не получилось так: вы придете, чтобы выпить водки, а мы угостим вас красным вином"**.

Большинство зрителей, думаю, пришли на спектакль классика ради самого соединения имен Беккет - Брук. И отстояли длинную очередь в гардероб. И протиснулись на свое место среди стоящих, сидящих и полусидящих людей (есть легенда: бруковского "Короля Лира" иные зрители смотрели сорок лет назад в Москве... на коленях - другого способа увидеть попросту не было!). И провели в переполненном душном зале два с половиной часа. И удивились. Да-да, удивились! А

ведь именно удивление многие великие считали целью искусства.

Представим себе "простого зрителя", как его называют, пришедшего на постановку одного классика, сделанную по творению другого, да еще гастрольную, стало быть, дефицитную (на Новой сцене МХАТа всего 180 мест!). И что он видит? Залитая ярким ("солнечным") светом пустая сцена (сразу вспоминается название книги Брука "Пустое пространство"). Куча песка, куда по поясу зарыта женщина, и спиной к ней, в таком же положении, мужчина, который исчезает, затем появляется вновь. И эта женщина

ведет с ним (с нами? с собой?) двухчасовой диалог-монолог. О чем? Да обо всем. О жизни и смерти, надежде и отчаянии. Об одиночестве... И еще в этом спектакле есть паузы, зоны молчания, когда, по Бруку, "театр пытается выйти за пределы слов": "Дух, смысл, суть не могут быть выражены в словах - слова, напротив, уводят далеко в поисках смысла, истины, а театр существует, чтобы выразить то, что невозможно выразить словами".

Театр для Брука - не текст и не быт: **"Ничто не принесло театру большего вреда, чем попытки воссоздать среду, костюмы, эпоху, а не саму жизнь, не дух ее, который не имеет ни формы, ни цвета, ни стиля. Меня менее всего интересуют великие актеры, режиссеры, тексты и еще менее - теории театра. Меня интересует, что такое жизнь, которая именно в театре может становиться видимой, слышимой, и именно в театре самые глобальные ее проблемы могут быть сведены к вещам очень простым"**.

Марина МУРЗИНА